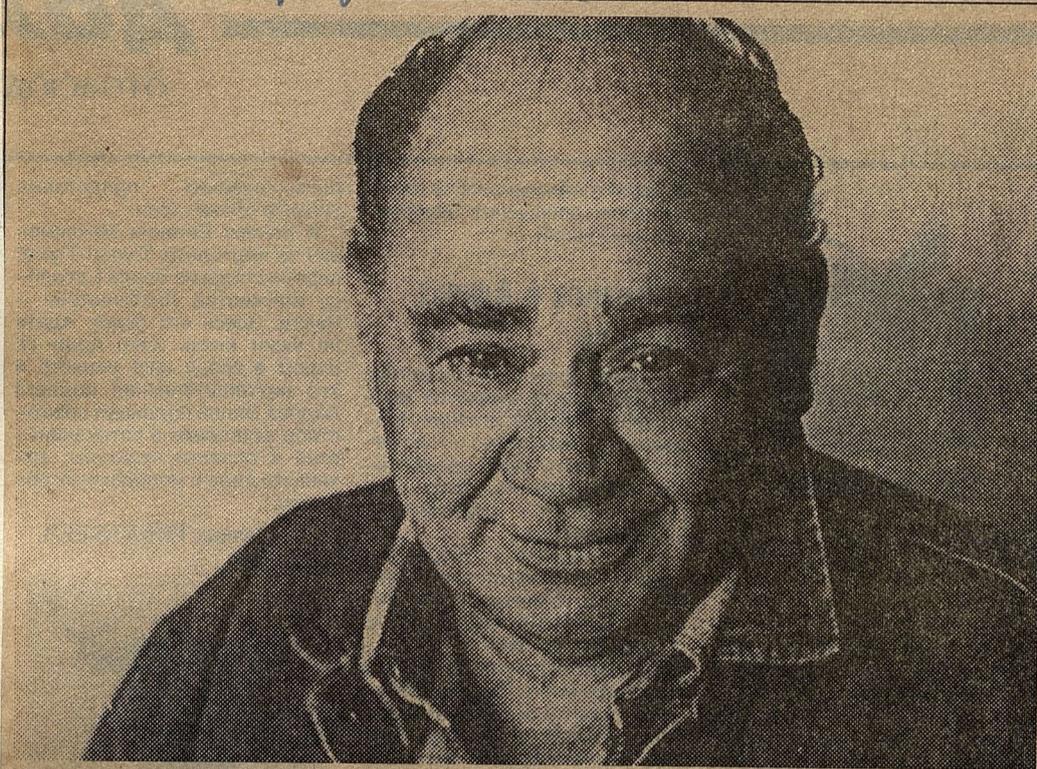

Коме правдо. - 1996. - Звезда. - С. 8.

Он угрожал: «Пасть порву!», а люди улыбались

Вчера Евгению Леонову исполнилось бы семьдесят лет

Александр ЗБРУЕВ: «Нам очень не хватает его в «Ленкоме»».

- О нем многое уже сказано, и повторяться не хочется. Забавные случаи? Нет, это не то, что вообще вспоминается, хотя за ним постоянно тянулось шлейф комедийного артиста. Я его чаще вспоминаю с грустными глазами. Конечно, где бы он ни появился, первые его фразы всегда воспринимались с улыбкой. Он выходил на сцену в «Иванове», и люди начинали улыбаться просто так - ему ничего не нужно было для этого делать. Но Леонов был действительно великий мастер, и уже через два-три слова зрители понимали, что пришли на спектакль с трагическим концом. Они забывали про комедийный шлейф.

Он был безумно ранимый человек. Каждое неосторожное слово о его творчестве, о нем самом, о его семье, для которой он жил, запоминалось и ранило. Он не пропускал эти слова мимо себя, он не мог от них избавиться и становился грустным.

Он много сыграл - и в кино, и в театре, но сделать ему хотелось гораздо больше. Он мечтал о роли короля Лира - не сложилось. Впрочем, то, что он сделал в театре, трудно переоценить. Это и Тевье-молочник в «Поминальной молитве», и Вожак в

«Оптимистической трагедии». Я помню, в старом спектакле - «Диктатура совести» у него была маленькая ролишка. Но она становилась центральной в спектакле, я не преувеличиваю. Нам сейчас очень не хватает его в театре.

Он часто ездил по стране с концертами. В любом месте его принимали на высшем уровне, с обязательным присутствием главы города, и он очень хорошо знал чиновничью конъюнктуру. Они его все любили, хотели соприкоснуться с ним. И показать: «Вот мы вместе с народом любим Леонова». Да его вообще любили все - богатые и бедные, плохие и хорошие, но он умел оставаться чуть в стороне. У него всегда было очень мало друзей, и мне кажется, что он был одиноким человеком - конечно, я не говорю о семье. Он не очень-то подпускал к себе людей и очень быстро определял, почему они к нему прилипают, что именно им нужно. Возможно, у него и было два-три друга, я не знаю. Все остальные, кто называет себя его друзьями, просто хотят прилипнуть к нему хотя бы сейчас.

Ирина КУПЧЕНКО: «Он мог сыграть любую роль своими словами».

- Мне посчастливилось играть с ним лишь дважды - в

фильмах «Отпуск в сентябре» и «Обыкновенное чудо». Прямых сцен почти не было: то, что я могу вспомнить, - воспоминания наблюдателя. Запомнилось, что он никогда не знал текст наизусть. Но он говорил так, что ни помощники режиссера, ни сам режиссер не сверяли, говорит ли он авторский текст или свой собственный. Потому что и значения это никакого не имело - он интуитивно подбирал такие слова, что все становилось на свои места. Забавно, но он действительно мог сыграть любую роль - даже классику - своими словами.

Евгения СИМОНОВА: «Он был довольно-таки замкнут».

- Я снималась с Евгением Павловичем дважды - в «Афоне» и «Обыкновенном чуде». Ни там, ни там мы практически не общались - он был довольно-таки замкнут. Но так получилось, что за год до его смерти мы вместе отдыхали в Ялте, в Доме творчества. Это было после сложной операции, и я еще удивилась, что он рискнул выехать на море. Он приехал с семьей, и просто можно было видеть со стороны ту необыкновенную степень любви, преданности семье, жене, внуку прелестному... Только какой-то грустный он был тогда.

В Ялте мы очень редко встречались, а потом так получилось, что мы не могли достать билетов в Москву. И тогда однажды мы сидели на пляже, и Евгений Павлович подошел к нам и сказал, что у него есть четыре билета. И мы поехали по именным леоновским билетам.

А потом очень скоро он умер. Я пришла на похороны, и на улице Чехова стояла огромная очередь. В этой очереди были все, кто его любил, - и люди скромного достатка, и люди, хорошо одетые, - все-все-все...

Леонов был хорош и в постельных сценах («Крепостная актриса»).

Записала
Валентина ЛЬВОВА.